

С.А. Лугуев,
М.Б. Гимбатова

**ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ ПРИМИРЕНИЯ КРОВНИКОВ
У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
(XIX – НАЧАЛО XX в.)**

*(Исследование выполнено по Программе фундаментальных исследований
Президиума РАН, проект – «Традиционные обычаи и обряды народов Дагестана
в советский период»)*

Одним из традиционных общественных институтов у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX века был обычай кровной мести. Он являлся одним из важных регуляторов общественных взаимоотношений в условиях отсутствия сильной законодательной власти, который просуществовал вплоть до установления Советской власти в Дагестане.

В исследуемый период убийцу у ногайцев называли «*душпан*» (враг), «*кан ишкен*» (выпивший кровь), «*канлы яв*» (кровный враг), у кумыков, азербайджанцев и терекеменцев – «*душман*» (враг).

Мотивы для совершения убийства могли быть разными, но чаще всего преступления, которые влекли за собой кровомщение, совершались из-за женщины. Помимо убийства – это покушение на ее честь и достоинство: оскорбление, изнасилование, похищение и т.д.

Чаще всего женщины являлись яростными противницами примирения и замены кровной мести выкупом – *диятом* (Рагимова Б.Р., 2001. С. 123). Именно они убеждали мужчин в необходимости кровомщения. Не отомстить за кровь считалось позором, и женщины постоянно напоминали об этом мужчине. Наши информаторы рассказывали, что у кумыков женщины отказывали мужьям в ложе, пока они не отомстят, если не было мужчины, который бы мог отомстить, то женщина выходила замуж за того, кто согласится исполнить этот долг, мать отказывалась оплакивать сына, пока за его кровь не отплатят. Также были известны случаи, когда жена, в знак траура по убиенному мужу, год не снимала траурный платок и не мыла голову.

В тоже время именно женщины первыми отправлялись к дому убитого для оплакивания. По воспоминаниям наших информаторов жена, узнав о том, что ее муж убийца, распускала волосы, закатывала рукава платья до плеч и с плачем, царапая лицо и руки, рвя на голове волосы, с плачем направлялась к дому покойника. Также вели себя и сестры убийцы, они отрезали свои косы, обвязывали ими талию и босиком, причитая, шли к родне умершего. Бывало, что родня убитого не пускала их даже во двор, тогда сестры, с другими родственницами, устраивались за воротами и сами начинали оплакивать умершего, проклиная убийцу. Нам рассказали, как две молодые сестры убийцы в зимнее время года в легких одеяниях, босиком оплакивали умершего на улице, а через несколько дней умерли от переохлаждения.

У тюркоязычных народов Дагестана женщина никогда не становилась объектом кровомщения и сама никогда не мстила, хотя у кумыков существует предание о девушке, которая отомстила за смерть своих братьев хану и его нукерам, подкараулив их ночью в лесу и предав огню вражеский лагерь.

По обычаю кровная месть не осуществлялась внутри рода – мстили только чужому человеку. Обычно месть переходила из поколения в поколение: срока давности кровная месть не имела. Преднамеренное убийство тут же вызывало ответную меру – убийство виновного.

У тюркоязычных народов Дагестана, как и у других дагестанских народов, существовали неписанные законы кровной мести, согласно которым запрещалось убийство обидчика из-за угла, со спины, внезапно, без предупреждения.

Убийство могло быть совершено только холодным или огнестрельным оружием. Убийство, совершенное палкой, камнем, плетью, считалось подлым, недостойным мужчины-кровника.

Время и место убийства тщательно продумывались. Запрещалось убивать во время поста, религиозных (календарных праздников), в людном месте.

Категорически запрещалось выяснять отношения в доме у кого-либо или в общественных местах (в мечети, на свадьбе, похоронах, на базаре, во время праздника).

Запрещалось убивать обидчика спящего, трапезничающего, совершающего намаз, справляющего естественные нужды.

При встрече с кровником правом первого удара, выстрела обладала потерпевшая сторона. Большим позором считалось убивать из кровной мести женщину, слабоумного, больного человека.

Категорически запрещались надругательство над трупом, мародерство. Эти действия считались недостойными мужчины и резко осуждались обществом. Подобное приравнивалось к разбою и сводило на нет акт возмездия.

Особых правил поведения должны были придерживаться и родственники двух враждующих сторон. Согласно этическим нормам родственникам убийцы категорически запрещалось веселиться, шутить, развлекаться в присутствии родственников убитого, беседовать с кем-либо при них, смотреть им в глаза. При встрече с родственниками убитого в общественном месте родня обидчика должна была покинуть это место. Если они повстречались в пути, то родственники убийцы должны были беспрекословно уступить дорогу потерпевшей стороне.

Отомстить за кровь должен был мужчина, один из самых близких родственников по отцовской линии – родной брат, при его отсутствии – двоюродный, троюродный брат. Не отомстить убийце, его родственникам считалось позором для семьи покойного. Мстили, прежде всего, убийце, а если ему удавалось скрыться от возмездия, то мстили самым близким родственникам преступника. Так, у кумыков есть выражение: «*Душманны аласы, къарасы болмас*» (Среди врагов не бывает пестрого, черного) (Гаджиева С.Ш., 2005. С. 254).

При совершении убийства, особенно преднамеренного, с корыстной целью или с отягчающими обстоятельствами – *кара кан*, в изгнание (*канлы*) уходил не только сам убийца – *баи канлы*, но и его ближайшие родственники, подпадающие под категорию *мал канлы*. Первый отвечал за кровь головой, вторые – имуществом (*баи* – голова, *мал* – имущество) (Комаров А.В., 1868. С. 27). Число мал-канлы могло достигать 7 человек (Егорова В.П., 1976. С. 108).

Среди простых ногайцев убийства на почве кровной мести были редки. Наибольшее распространение этот обычай получил в среде знатных ногайцев. Так, К. Сталь сообщает, что в «1847 году Тазаруков, бесленеевский дворянин, претерпел кровавую обиду от ногайского князя Карамурзина, подстерег его на р. Урупе и убил. Совершив убийство, Тазаруков с семейством бежал к кабардинцам. Ногайские князья, получив об этом весть, тотчас поскакали в аул Тазарукова и, не застав его дома, сожгли его сакли и хлеба» (Сталь К.Ф., 1900. С. 188). Иногда от этого страдали ни в чем неповинные люди только потому, что они являлись родственниками убийцы. Бывали случаи, когда ногайские князья мстили не только одному человеку, а всей семье, оставляя их без крова. При этом страдали и простые ногайцы тех князей и мурз, которым мстили.

У кумыков после совершения убийства сам убийца и его ближайшие родственники по отцовской линии могли просить убежища у своего князя, у которого они в течение 30–40 дней укрывались от родственников убитого. В этом случае князь сам принимал непосредственное участие в примирении сторон. Так, в адатах кумыков записано: «Если убийца и его родственники укрывались в доме князя, то последний, собрав своих узденей и молочных родственников (эмчеков), брал на себя руководство в делах укрываемого им убийцы, в целях предупреждения и предотвращения ответного кровопролития, для успокоения потерпевших, до примирения убийцы со стороной. Князь кормил весь укрываемый род убийцы до окончания своих хлопот по примирению сторон. Сюда в дом князя, а также к потерпевшим, приходили односельчане и знакомые. Они выражали им свое соболезнование, говорили по обыкновению: «Да ниспошлет Бог свой мир...». Родственники убийцы в доме князя держали «яс» (обряд оплакивания убитого) и при этом, причитывая, проклинали и поносили своего родственника-убийцу. Сам же князь, выждав окончание дней «яс» у убитого, посылал туда своего кади и двух «тамаза» (почетных стариков) для переговоров о примирении с родственниками убийцы» (Алибеков М., 1927. С. 6).

Бесконечная вереница взаимных убийств подрывала общество изнутри, поэтому в целях самосохранения оно выработало ряд способов прекращения этого явления. Этого требовали и изменившиеся социально-экономические условия жизни людей. Таким образом, обычай кровной мести видоизменялся, приспособляясь к новым обстоятельствам. Если на ранних этапах развития обществ действовал принцип «око за око», «кровь за кровь», то в XIX – начале XX века примирение сторон осуществлялось через уплату штрафа. Так, например, в Прощении кумыкских ногайцев, поданному в Комитет, учрежденный для определения личных и поземельных прав населения Кумыкского округа Терской области (1860 г.), говорится: «Если кто-либо убьет другого, и родственники убитого, встретив убийцу, поймают его, они были вправе убить

[последнего]. А если он убежит в какое-либо далекое место или пойдет и скроется [в доме] влиятельного человека, то, в случае просьбы людей, захотят простить [убийцу], прощали его, но взыскивали с него дият (штраф. – Авт.). Иного же наказания не было» (*Оразаев Г.М.-Р.*, 2007. С. 217).

Подобное наказание ожидало убийцу и у кумыков. «За смертоубийство умышленное взымается с родственников убийцы алым–пеня в пользу наследников убитого, а сам убийца подвергается кровному мщению со стороны последних», – гласят адаты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского (*Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского*, 2007. С. 238).

Денежному штрафу убийца подвергался и у терекменцев. «Если кто убьет кого-либо, то обязан выдать родственникам убитого шариат-ахча 3 руб. 30 коп. и сам удалиться из деревни», – записано в адатах магала Терекеме (*Адаты Дагестанской области и Закатальского округа*, 1899. С. 582).

Уплата штрафа ложилась тяжким бременем не только на членов семьи убийцы, но и на весь его тухум. Штраф, «цену крови» – «кан тоблев» (ног.), «алым» (кум.), «шариат-ахча», «ган лулу» (азерб., терек.), пострадавшей стороне выплачивали родственники убийцы. Размеры его часто зависели от влиятельности и многочисленности родни убийцы.

Величина выплат в разных обществах была различной. Так, у северных кумыков семья убийцы платила 13 рублей, с родных братьев, живущих отдельно, взымалось по 5 рублей, с двоюродных братьев – по 2 руб. 50 коп., с троюродных – по 1 руб. 50 коп., а с четверюродных – по 65 копеек. Нисходя по дальнейшим родственникам, взыскание доходило до мзды в 25 копеек. Убийцы того родственника, который не желал принять участие в алыме, родственники убитого имели право убить (*Алибеков М.*, 1927. С. 6).

У жителей Бамматулинского владения «семья убийцы выплачивала пострадавшей стороне 10 рублей серебром, 5 четвертей пшеницы, 1 кусок шелковой и 1 кусок хлопчатобумажной материи. Родные братья по отцу и матери дают каждый по 3 рубля, дяди по отцу дают каждый по 3 рубля, сыновья – по 2 рубля, внуки дядей – по рублю, правнуки – по 50 копеек, и таким образом берется с прочих родственников, смотря по степени близости или дальности их родства» (*Сборник адатов шамхальства Тарковского*, 2007. С. 238).

В селении Тарки, в виду участвовавших случаев смертоубийства, шамхал Мехти-хан приказал брать с семейства убийцы 300 рублей деньгами или другими вещами на означенную сумму (*Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского*, 2007. С. 238).

У башлынцева убийца сперва платил «шариат-ахча» в размере 3–5 рублей, кроме того, одного быка в пользу управляющего селением и одного в пользу общества (*Адаты Дагестанской области и Закатальского округа*, 1899. С. 694).

В середине XIX века у тех же южных кумыков в селениях Башлы, Утамыш, Каякент алым устанавливался в пределах 40–60 руб. серебром. Кроме того, «дарили оседланную лошадь, ружье и полный боевой набор» (*Петухов П.*, 1867).

У азербайджанцев «цена крови» достигала 300 рублей (*Адаты Дагестанской области и Закатальского округа*, 1899. С. 582).

У терекменцев за неумышленное убийство вносили 3 руб. 30 коп., а за убийство с корыстной целью (убийство по подкупу, в целях ограбления) – кара ган (черная кровь) «в 7 и 14 раз больше против положенного за убийство обыкновенное» (*Комаров А.В.*, 1868. Вып. 1. С. 31).

У ногайцев «цену крови» выплачивали скотом, она могла составлять от 10–20 баранов или 1 корова за убийство простолюдина, 200 коров за убийство узденя. По сведениям К. Сталя, «плата за кровь по шариату за убийство крестьянина 200 коров, за дворянина 400 коров. Цена крови князя разнится по фамилиям. Некоторые княжеские фамилии, например, Болотокова, учредили для себя цену за кровь, невозможную к выплате» (*Сталь К.Ф.*, 1900. С. 118).

Выплата цены крови скотом существовала и у других народов Дагестана. Так, в своде решений, обязательных для жителей Андалальского общества (он датируется XVII в.) записано: «Если из наших один другого убьет, то с убийцы взыскиваются четыре быка...» (*Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа*, 2007. С. 92). Между жителями Казикумхского, Даргинского и Гунибского округов было выработано соглашение о выплате цены крови за убитого (*Из истории права народов Дагестана*, 1968. С. 55). По этому соглашению, если мужчина одного округа, участника соглашения, убивал представителя другого (участника соглашения), виновный лично подвергался кровомщению или же платил за кровь 7 быков (4 руб.

каждый), 7 кусков бязи (по 3,5 ханских аршина в каждом), а также одного быка в пользу общества убитого (*Никишенков А.А.*, 1999. С. 123–124).

Подобный обычай существовал и у других народов Северного Кавказа. У ингушей цена крови достигала 130 коров и более собираемых широким кругом родственников. «Цена крови» адыгского князя в XVIII – пер. пол. XIX в. колебалась от 6 до 8 тыс. быков, а тлхукотля (свободного крестьянина) – всего 160 быков. При этом следует отметить, что в эту «цену крови» князя входили и самые различные ценные предметы и снаряжения, начиная от кольчуги, кончая высокопородными лошадьми и конской сбруей (*Мамбетов Г.Х.*, 1994. С. 144).

Чеченцы в большинстве своем отвергали примирение посредством выплаты «цены крови», что считали большим позором. «Мы не торгуем кровью убитого», – нередко можно было услышать в Чечне (*Калоев Б.А.*, 1989. Вып. 9. С. 144).

Позднее выкуп деньгами стали вносить и ногайцы. По сведениям наших информаторов, в исследуемое время в каждом ауле имелись большие весы – «*бежмен*», на одну чашу весов сажали убийцу, а на другую – родственники убийцы бросали серебряные монеты и украшения так, чтобы вес обеих чаш сравнялся. Все собранное отдавалось в качестве «*кан тоьлев*» семье убитого. Если же семья покойного оставалась без главного кормильца, то убийца большую часть расходов по ее содержанию должен был взять на себя. Если в семье убитого имелись неженатые сыновья или незамужние дочери, то свадебные расходы ложились на плечи кровника.

Только терские ногайцы, жившие по соседству с чеченцами, не признавали выплаты штрафа за убийство.

После сбора алыма, уважаемые старики, во главе с местным кадием, договаривались о его передаче родне убитого. В назначенный день родственники убийцы, с почетными стариками аула, кадием и князем во главе отправлялись в дом убитого для передачи алыма. Родственники убийцы, направляясь в дом умершего, должны были снять с себя оружие, обувь, закатать штаны выше колен и снять папахи. Когда процессия приближалась к дому покойного, родственники убийцы должны были остановиться у тазията (место, где мужчины принимали соборезнование). Кадий, после прочтения необходимых молитв, обращался к самому старшему из тухума убитого с просьбой о прощении и передавал алым. После принятия алыма происходило первая встреча родственников убийцы с пострадавшей стороной. Если же после передачи алыма, кто-либо из родственников убитого убьет кого-нибудь из родственников убийцы, то он становился канлы самого князя в течение года со дня убийства. Если только князь его не убивал, то он не мог видеть князя и сказать ему: «Доброе утро» или «Добрый вечер» (обычные слова, произносимые при поклоне князю). Такого канлы-кровника князя – никто не принимал и не давал ему приюта у себя. По этой причине никто и не осмеливался быть канлы князя (*Алибеков М.*, 1927. С. 7). После этого род убитого переставал преследовать род убийцы, но продолжал разыскивать самого убийцу.

Убийца же искал себе убежища в других дальних обществах. До отбывания срока канлы на изгнанника распространялись самые разнообразные запреты. Убийца постоянно находился под страхом возмездия, он вел замкнутый образ жизни, не мог свободно выходить на улицу и всегда при себе имел оружие, не стригся и не брился, не носил нарядную одежду, не участвовал в каких-либо торжествах, не появлялся в общественных местах, так как опасался преследований со стороны потерпевших.

Если родственники убитого находили его, то убивали на месте, если не могли убить, то он находился в канлы до тех пор, пока родственники убитого не согласятся на примирение.

По истечении установленного срока изгнания (5–10 лет) его тухум просил род убитого разрешить ему вернуться домой. Джамаат снова добивался организации примирения, на этот раз окончательного. Просьба о примирении обычно приурочивалась к какому-нибудь религиозному празднику, посту, когда верующие легче соглашались простить нанесенные обиды, считая это богоугодным делом (*Гаджиева С.Ш.*, 2005. С. 257).

Обряд примирения кровников – «*ярашув*» (кум.), «*ярасув*» (ног.), «*барышмаг*» (азерб.), «*бахышламмаг*» (терек.), в исследуемое время у тюркоязычных народов Дагестана проходил везде одинаково. После того, как родственники убитого, давали согласие на примирение, влиятельные люди, старейшины – аксакалы, кадий, князь – устраивали обряд лицезрения – «*бет гёрмек*» (кум.), «*бет коьруьв*» (ног.), «*уз гёргезмез*» (азерб., терек.). Наиболее полно он представлен в адатах кумыков. «Когда сторона канлы посылала стороне убитого сказать, что идут с канлы, то последняя, собрав своих друзей, близких и знакомых, отправляла туда в свою очередь сказать: «Пусть идут». Тогда вся сторона канлы шествовала в таком порядке: впереди шли кади, муллы, хаджи, старики с князем, за ними весь собравшийся посторонний народ, за ними родственники по

отцовской линии, дяди по матери, племянники по сестре, внуки по дочери. Сзади за ними сам канлы. Впереди канлы вели оседланную лошадь с накинутым на седло панцирем. На переднем луке висело ружье с дулом, направленным назад. Причем, прежде чем дойти до тазията убитого, канлы с родственниками, вышедшие из дому, не опоясанные и без оружия, снимали свои папахи. Тогда кади, в сопровождении князя и почетных людей входил на тазият и, после своего салама и прочтения молитвы, произносил проповедь о прощении. Прибывшие за кадием князь и народ просили: – «Во имя бога, простите». Если старейший из родни убитого скажет: – «Нет, не прощаю», то все прибывшие посторонние снимали папахи, если и тогда получали отрицательный ответ, то все они становились на колени. Все то же проделывали родственники убийцы (канлы), стоя поодаль. Наконец, добивались утвердительного ответа. После этого во двор тазията вводили лошадь, а за нею канлы с родственниками. По получении лошади старейший родственник убитого дарил ее князю, а последний возвращал ее прежнему хозяину, у которого она была взята родственниками канлы. Потом водили канлы мимо ряда стоящих на тазияте родственников убитого, и он перед каждым из них падал ниц, прося о прощении; после того, как каждый, стоявший на тазияте из родственников произносил: – «Живи, вставай, прощаем», – канлы водили к сидящим на «ясе» женщинам. После того, как канлы там проделывал то же, что перед мужчинами, его выводили во двор и все присутствующие произносили: «До свидания, да даст бог согласие» – и, уводя с собой канлы и родственников, уходили по домам. Через три дня сторона убитого звала к себе канлы и, оказав ему все признаки уважения и ласки, объявляла его своим «кан кардаш» – кровным родственником. После этого сажали его на пороге двери и, срезав ему несколько волос с головы, говорили: – «Иди, живи, сбрей волосы» (Алибеков М., 1927. С. 8–9).

У караногайцев во время «бет коьруьв» враждующие стороны должны были несколько минут постоять лицом к лицу в 20–30 шагах друг от друга. Примиряющие размещались между ними, увещевая их прекратить вражду. Согласившись с этим предложением, обе стороны расходились по своим домам (Гаджиева С.Ш., 1979. С. 131).

У терских ногайцев обряд примирения кровников проходил несколько иначе. Как правило, перед заходом солнца к дому убитого направлялась процессия во главе со стариками – родственниками и самим убийцей, затем шли женщины, за ними юноши, замыкали шествие девушки.

Во дворе убитого их встречали старшие родственники покойного, которые после многочисленных просьб могли простить убийцу. Бывали случаи, когда родственники убитого долго не прощали убийцу. Боль и горечь потери родного человека были настолько велики, что близкие убитого даже близко не допускали мысли о примирении. Если в просьбе отказывали, то в дом убитого приходили несколько раз, пока не получают прощения. Если родственники убитого не соглашались на примирение, то просительницами – «тилекши» становились незамужние девушки, которым согласно установившимся традициям не отказывали. У ногайцев по этому поводу есть выражение: «Кыз хаьтер – ак хаьтер» (Просьба девушки – святая). Следует отметить, что роль женщины в обряде примирения кровников была велика. По-настоящему убийца считался прощенным только после того, как его прощала мать убитого.

У большинства народов Дагестана кровник первым долгом должен был попросить прощения у матери, подойдя к ней на четвереньках, стоя на коленях. Мать убитого дотрагивалась до волос убийцы и произносила: «Прощаю», только после этого виновного прощали все остальные родственники. У лакцев, кроме всего, мать должна была убийцу «пропустить через рубашку». Это означало, что она его «рожает», и он как бы становится ей сыном. Сходный обычай существовал и у салатавских аварцев (сел. Гуни). У них во время примирения мать убитого давала убийце сосать грудь; это означало, что она как бы усыновляет кровника (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 324).

На следующий день в знак примирения в доме убитого проводили совместную трапезу. Семья убийцы раздавала подарки детям покойного: одежду, обувь, отрезы на платье, платки. Если в семье убитого были малолетние дети, то семья убийцы в знак примирения просила отдать одного из детей на воспитание. Обычно семья покойного не соглашалась с подобным предложением, так как в случае смерти ребенка кровная месть могла возобновиться. Если в семье убитого была дочь на выданье или неженатый сын, то обе семьи старались произвести обменный брак.

Все расходы по организации свадьбы в этом случае брала на себя родня убийцы. После этого дня кровная вражда прекращалась, стороны теперь называли друг друга кровными братьями – «кьан кьардашлар» (кум.), «кан кардаш» (ног.), «ган гардашлар» (азерб., терек.). Подобный обряд

примирения кровников был известен и другим народам Дагестана (*Лугуев С.А.*, 1991. С. 84; *Лугуев С.А.*, 2001. С. 89–90; *Исламмагомедов А.И.*, 2002. С. 380–381).

Таким образом, обряд примирения был одним из важных моментов в прекращении кровной мести. Обычай кровной мести, пожалуй, – один из тех немногих институтов общественного быта, в котором мужчины и женщины принимали одинаковое участие. Если мужчина осуществлял акт возмездия и нес за это соответствующее наказание, то женщина в большинстве случаев выполняла примиренческую функцию.

Трансформации в обычае кровной мести, которые произошли в XIX – начале XX в., усугубили положение виновного, так как выплата денежного штрафа за убийство тяжким бременем ложилась не только на него самого, но и на всю кровнородственную группу, вплоть до седьмого колена.

Несмотря на всю антигуманность обычая кровной мести, он был необходим, так как являлся наиболее действенным во взаимоотношениях между членами общины и эффективным средством самообороны. Как справедливо отмечал известный дагестанский этнограф А.И. Исламмагомедов, обычай кровной мести, в условиях отсутствия сильной законодательной власти был тем инструментом, который сдерживал людей от совершения такого рода преступлений, как убийство (*Исламмагомедов А.И.*, 2002. С. 380).

К сожалению, к обычаю кровной мести обращаются и в наши дни. Не надеясь на жесткие и решительные меры со стороны государственной власти и правоохранительных органов, люди учиняют самосуд. Происходит это именно в сложные, переломные для общества моменты. Так, например, можно вспомнить о разгуле преступности и всплеске правонарушений на почве кровной мести в Дагестане и на Северном Кавказе в годы революции и гражданской войны, новый виток преступлений, основным мотивом которых являлась кровная месть, приходился и на 60-е гг. XX в., таких преступлений было примерно 47% от общего числа. Статистика свидетельствует, что преступления, совершенные на почве кровной мести, происходят и сегодня.

Главами правительств северокавказских республик предпринимаются конкретные меры для предотвращения кровопролития между тайпами и тухумами. Так, в Чечне еще в 2002 г. Ахмадом Кадыровым при духовном управлении был создан специальный штаб по примирению семей, находящихся в состоянии кровной вражды, который усилиями ныне действующего главы республики Рамзана Кадырова успешно функционирует и сегодня. Подобный штаб действует и в Дагестане. Надеемся, что эти меры будут способствовать сохранению и поддержанию мира и согласия между народами северокавказского региона и России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899 / Сост. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис. *Алибеков М.*, 1927. Адаты кумыков. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш.*, 2005. Кумыки: Историческое прошлое, культура, быт. Кн.2. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш.*, 1979. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX–начало XX в. М.
- Гаджиева С.Ш.*, 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.
- Егорова В.П.*, 1976. О состоянии кровомщения в Дагестане во II половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 7. Махачкала.
- Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы). 1968 / Сост. А.С. Омаров. Махачкала.
- Исламмагомедов А.И.*, 2002. Аварцы. Историко-этнографическое исследование (XVIII – нач. XX в.). Махачкала.
- Калоев Б.А.*, 1989. Осетино-вайнахские этнокультурные связи // Кавказский этнографический сборник. Вопросы исторической этнографии Кавказа. Вып. 9. М.
- Комаров А.В.*, 1868. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис.
- Лугуев С.А.*, 1991. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана. Сб. статей. Махачкала.
- Лугуев С.А.*, 2001. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала.
- Мамбетов Г.Х.*, 1994. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Учебное пособие для учителей и учащихся средних школ. Нальчик.

- Никишенков А.А.*, 1999. Традиционный этикет народов России (XIX–началоXXвв.) М.
- Оразаев Г.М.-Р.*, 2007. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала.
- Петухов П.*, 1867. Очерк Кайтаго–Табасаранского округа // Кавказ. № 12.
- Рагимова Б.Р.*, 2001. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала.
- Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, 2007 // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев. Махачкала.
- Свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа, 2007 // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев. Махачкала.
- Сталь К.Ф.*, 1900. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Отд. 2. Тифлис.